

**Журнал "Свет над
Байкалом"**

№ 2, 1958

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Свет над Байкалом": № 2, 1958 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 154 с.

ISBN 978-5-458-66349-6

Журнал "Свет над Байкалом" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходился в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66349-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Точнее нельзя сказать!

За сорок лет советской власти весь мир убедился в преимуществах советской социалистической системы, в преимуществах ее культуры, в громадной силе ее качественно новой литературы. Мы доказали, что наша многонациональная, социалистическая по содержанию, литература служит коренным интересам всего народа. И мы говорим словами великого Ленина: да, это есть действительно свободная литература, потому что она служит не пресыщенной геронне, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность!

За сорок лет советской власти наша литература накопила огромный опыт: создала целый ряд произведений, которые вошли в сокровищницу мировой культуры. Мировая слава Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, Твардовского, Ауэзова говорит о том, что только благодаря кровным связям с народом, именно благодаря своей глубокой верности эти писатели, создав и «Тихий Дон», и «Разгром», и «Савья», и «Стихи о советском паспорте», и «Василия Теркина» и другие произведения, стали гордостью миллионов читателей.

Все сто томов моих партийных книжек — так охарактеризовал Владимир Маяковский свое творчество. Михаил Шолохов, выступая на II съезде советских писателей, говорил, что мы, советские писатели, пишем по указке сердца, а сердца наши принадлежат народу, партии.

Огромно значение критики для дальнейшего расцвета нашей литературы. Мы имеем в виду настоящую, ленинскую критику, а не ту, которая ради красного словца, из-за желания шегольнуть красивой фразой, готовя свести на нет не только произведение и его автора, но и всю нашу литературу.

Мы не такую критику, мысль которой, как острейшая магнитная стрелка, всегда безошибочно поворачивается в сторону подлинных интересов трудящихся. Настоящая, ленинская критика — это доброжелательный и великий воспитатель писателей. Конечно, может случиться, что писатель, порой в силу недостаточной подготовленности, недостаточной партийной зоркости ошибается или повторяет, сам того не зная, чьи ошибки. В этом смысле надо всегда учиться у Владимира Ильича чужому отношению к товарищам. В письме в редакцию газеты «Правда» Ленин писал: «Пасчет Демьяна Бедного продолжаю быть за. Не раздражайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать». Большое сердце Ленина слышится в этих словах.

С другой стороны, мы должны обладать ленинской зоркостью, чтобы уметь вовремя открывать идеологического врага, под каким бы красным названием он ни появлялся. Вспомним ярко сатирическую статью «Письмо графа Гейдена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы»)», тисненое выступление «О «Вехах», или статью о Герцене, которую Ленин дал бой всей либеральной печати царской России и защитил революционера Герцена от позорного имени «либерал», которую остро и ярко изобразил Герцена враги революции. С какой непримиримостью, с каким уничтожающим сарказмом обрушивается на врагов! Помните:

Он к товарищам
милел людскою лаской,
он к врагу
вставал

железа тврже.

Известно, что после XX съезда, на котором наша партия мужественно указала на ошибки, имевшие место у нас, и нацелила народ на ликвидацию последствий культа личности, идеологические враги за рубежом подняли яростный вой. Мы знаем, что ажиотаж, поднятый врагами вокруг романа Дудинцева, вокруг серьезных ошибок альманаха «Москва», не утих и до сих пор. Враги вытащили из «теоретической» колоды давно битую карту «абсолютной свободы», на деле означающую свободу от всяких обязанностей перед народом, родиной, свободой прографической писанины, свободу мистики и пессимизма, свободу расхваливания и защиты капитализма. В обстановке непримиримых идеологических боев советский писатель должен бдительно стоять на страже наших завоеваний, давать достойную отповедь и закоренелым врагам коммунизма, и подлым предателям типа Говарда Фаста.

Если бы буржуазные писаки не были бы людьми, которые сознательно утратили чувство реального, которые умышленно не хотят видеть очевидных фактов, они бы обратили внимание хотя бы на такой факт. Испания, страна, давшая миру Сервантеса, Гойю, Веласкеса, дошла до такого упадка культуры, что ныне больше половины ее населения неграмотно. Это — дело рук франквистов. И этот скандальный для мирового империализма факт отнюдь не тревожит господ говардов фастов и К°.

Бурят-Монголия, всего лишь сорок лет назад, — одна из самых отсталых окраин царской России — является республикой сплошной грамотности, подготовившей за годы советской власти тысячи квалифицированных специалистов по всем отраслям хозяйства и культуры. Ныне наша республика готовится к тому, чтобы в 1959 году на второй по счету декаде бурят-монгольского искусства в Москве показать достижения своей национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. Республика покажет свой профессиональный театр оперы и балета, драматический театр, филармонию с ансамблем песни и танца. На декаду поедут около трех десятков писателей. Все это — результат ленинской национальной политики нашей партии.

Гениальный Ленин стоял за то, чтобы искусство, литература были достоянием всего народа, чтобы они были понятны массам и любимы ими. Тут очень важно отметить следующее. У нас подчас не совсем правильно понимают вопрос о доходчивости произведений искусства и литературы. В ходу бывают такие выражения: «поймет ли каждый колхозник?», «народ не поймет» и т. д. Безусловно, если писатель потчует читателя какими-нибудь выкрутасами в стиле импрессионистских треугольников и ломаных линий, или же начинает говорить футуристическими «дыр», «бул», «шыл», то народ с презрением отвернется от подобного рода упражнений. Но когда мы имеем дело со стремлением писателя создать произведение больших философских обобщений, то только недруги литературы могут обвинить писателя в отходе от народа, в «непонятности».

Есть очень интересная в этом отношении мысль у Ленина в работе «Что делать?». «Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до «рабочей массы»... Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих... Ведь вы, господа радетели о «рабочем-сердняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно

нагнуться, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации».

Наш народ, запустивший искусственные спутники земли,— это не тот «рабочий-средняк», против снисходительного отношения к которому протестует Ленин. Интеллектуальное развитие современного рабочего и колхозника настолько высоко, что они в состоянии отлично разобратся в самых разнообразных формах, жанрах литературы. Современный читатель не нуждается в оскорбительном опекунстве иных горекритиков, мнящих себя толкователями и защитниками духовных интересов и потребностей читателей.

Больше доверия читателю, больше смелости в создании самых разнообразных по форме произведений — против узколобого, трусливого понимания принципов социалистического реализма!

Много интересных, принципиальных мыслей Ленина сохранили для нас воспоминания Клары Цеткин, одного из виднейших борцов за дело рабочего класса, «ударницы мировой революции», по выражению Н. К. Крупской. Достаточно сказать, что широко известные слова Ленина — «Искусство принадлежит народу...» — высказаны им в беседе с Klarой Цеткин.

Принадлежность искусства народу предполагает глубокое знание деятелями искусства жизни народа. Должно быть ясно как день, что народ никогда не примет такого произведения искусства, которое искажено представляет его дела, помыслы и чаяния.

Так и случилось ведь с романом Дудинцева «Не хлебом единым». Народ не принял его. И не потому, что у автора оказалось мало таланта, а потому, что в книге дано уродливое, искаженное представление о нашей жизни. В то время, как господствующей, основной в советской действительности является тенденция развития, неудержимого роста, тенденция преодоления трудностей,— в романе Дудинцева главное — это беспомощность героев перед трудностями, это всеислие бюрократизма, возведенного в степень.

Между прочим, печальный пример с романом Дудинцева — урок, который должен быть учтен во всей нашей работе с кадрами писателей, а в особенности с молодыми авторами. Ведь не секрет, что «Не хлебом единым» — первое крупное произведение Дудинцева. Кто знает, что получилось бы, если бы «Новый мир» не проявил столь досадной и непонятной поспешности с опубликованием романа, а терпеливо, настойчиво, заботливо поработал с автором, помогая ему реализовать те бесспорные возможности, которые имелись у него для коренного улучшения романа. Не исключено, что при известной чуткости к автору, при известной ответственности редакции журнала за судьбу публикуемого произведения, читатель мог бы получить хорошую и нужную книгу.

Глубокое и всестороннее знание жизни — вот что требуется от советского писателя. Это — постоянно действующий закон. Потому-то важнейшее значение для всех нас имеет партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» — образец ленинской заботы о литературе, ленинской принципиальности к ее ошибкам и недостаткам, образец ленинской чуткости и заботы к тем, кто допустил ошибки и нуждается в помощи для их исправления.

Искусство принадлежит народу! Не следует ли отсюда и то, что деятели искусства должны стремиться к правдивому и всестороннему отображению многогранной жизни народа? Именно всестороннему!

Нам одинаково претят как унылые технологизмы в духе так называемой производственной тематики, так и бездумные вирши — сентиментальные воздыхания в стиле альбомных творений рифмоплетов.

Не о стальных болванках, не о том, какие и сколько движений сделал токарь, обтачивая эти болванки, не о шестеренках и вольтовой дуге надо писать, а о нашем рабочем человеке, который гением своим, силой и упорством создал великую социалистическую индустрию и этим заставил содрогнуться империалистов. Писатель не может и не должен сидеть в третьем эшелоне и писать только лишь о делах третьего эшелона. Бой выигрывается на передовых, там — наибольшее напряжение и физических, и моральных сил людей, и там — место советского писателя. Глубже в народные массы, пристальнее изучать то, чем живут наши люди на главном направлении строительства коммунизма — в борьбе за высшую производительность труда во всем народном хозяйстве — такова самая важная задача писателя наших дней.

Очень часто мы слышим: «Я взял тему лесоразработок», «Тема мясокомбината остается никем не тронутой», «Вы забыли тему горно-рудной промышленности» и т. д. и т. п. Это все — результат и пережитки узко ремесленного подхода к задачам литературы, присущего давно минувшим временам. И не мудрено, что у нас мало появляется книг, в которых во весь рост предстали бы рабочий и колхозник — герои нашего времени.

Литература только в том случае до конца выполнит свой долг перед народом, если она сумеет отразить в своих произведениях главную суть современной ей эпохи, если она сумеет создать достойный памятник своему времени. Современность — вот главная тема! Основное внимание писателя должно быть обращено на то, что сегодня происходит в жизни народа, а не на то, что лежит в архивах истории, пусть даже еще не покрытых пылью.

За последние годы в нашей бурят-монгольской литературе появились крупные прозаические произведения. «На утренней заре» Хоца Намсараева, «Степь проснулась» и «Золотой дождь» Жамсо Тумунова. «Доржи, сын Базара» и «Вдали от родных степей» Чимита Цыдендамбаева, «Со всеми вместе» и «Наши соседи» Раисы Белоглазовой, «Песня табунщика» и «Кто твой учитель?» Даширабдана Батожабая, «Комсомольцы» Семена Метелицы — и все это за десять с небольшим лет. Появление большой прозы — верный признак зрелости литературы, что было с удовлетворением отмечено нашей общественностью. К этому надо добавить: сейчас пишется еще несколько других крупных прозаических произведений.

Но наряду с этим отрадным явлением нельзя не обратить внимания на то, что среди крупных произведений мало таких, которые были бы посвящены событиям сегодняшней действительности. Почему многие наши писатели так и не могут приблизиться к своему времени — наиболее знакомому и наиболее близкому? Единственное объяснение — недостаточное знание писателями сегодняшней жизни.

Писать на актуальные современные темы — это значит писать с полной отдачей всех своих сил и знаний. Литература должна создавать произведения, в которых читатель находит величие духа людей страны социализма, их неиссякаемую бодрость и жизнерадостность. Она должна в своих произведениях вводить читателя в сферу подлинной красоты. Произведения, отвечающие и великим идеалам, и нежным чувствам наших людей, преисполненные подлинного благородства — вот чего ждет читатель.

Жить и творить — по Ленину!

Цырен-Базар Бадмаев родился в 1928 году в улусе Саган-Шулута в Агинском Бурят-Монгольском национальном округе.

Свои первые юношеские произведения печатал в школьной стенгазете. В 1952 году, будучи студентом Литературного института им. Горького, выпустил свой первый сборник стихов «Утреннее солнце».

Затем были изданы книги стихов и рассказов «Весенние цветы» (1956), «Среди друзей» (1957 г.). В эти же годы выпущены в Москве, Чите, Улан-Удэ сборники «Наша степь», «Детям» и «Хитрый конь».

Цырен-Базар БАДМАЕВ

ЖАРГАЛ

Из Аги, где раскинулась падь Улхата,
сын Жаргала был угнан в чужие места.

С той поры с малолетним внучонком Жаргал,
голодая, свой горестный век коротал.

Помнил дед, как угрюмый урядник один
клеветал, что преступником стал его сын,

мол, он дружбу с крамольными ссыльными вел,
мол, он свергнуть хотел государев престол...

А нойон, что гуртам своим счет не ведет,
(пусть хоть сотня овец от волков пропадет!),

со двора коровенку у деда забрал,
и заплакал усталый от жизни Жаргал.

Он за сына страдал и внучонка жалел,
с богатеями спорить однако не смел.

Да и что бы поделал несчастный арат,
коль богатым нойонам не друг и не брат.

Только думал он долгую думу свою:
«В необъятной России, в далеком краю,
удивительный батор явился сейчас,
он великий учитель отныне для нас!

Этот батор, народ беззаветно любя,
не жалсет в суровые годы себя.

А еще говорят, его Лениным звать,
вот бы с горем своим у него побывать!

Говорят, скоро батор придет и в Агу,
может статься, что встретить его я смогу.

Бедняку Лени-батор сумеет помочь,
и над степью родимой рассеется ночь...»

Так душевно и просто поверил Жаргал
в человека, о ком от народа узнал,

что порой на дорогу за сопку Толгой
стал ходить, мол, не сдет ли гость дорогой?

Много встретилось деду в степи верховых,
он о Ленине долго расспрашивал их,

сколько батору лет, на кого он похож,
но ведь что из рассказов случайных поймешь?!

Кос-кто говорил старику, например,
будто Ленин такой же, как славный Гэсэр¹.

А иные ему отвечали: — Смотри,
си простой человек, как тала Ондори²...

Время шло. И Жаргал с каждым годом старел,
а внучек подымался — бедовый пострел! —

словно стройное деревцо, рос в вышину
и играл с детворою соседской в войну.

Но однажды, в сияньи вечерней зари,
мальчик в юрту вбежал: — Ты, мой дед, посмотри!

Видишь, конник вдали пыль степную клубит,
слышишь, дедушка, стук лошадиных копыт?

¹ Гэсэр — герой одноименного эпоса.

² Тала — приятель. Ондори — Андрей.

На дорогу тихонько выходит Жаргал,
а глаза словно кто-то туманом застлал.

Шепчет дед, свою горькую старость браня:
— Наконец-то дождусь я счастливого дня!..

Путник в юрту вошел и присел на хоймор¹,
с толмачами о чем-то завел разговор.

Шутит с ними и пьет торопливо кумыс,
как тала Ондори, худощав он и лыс.

И к приезжому робко подходит Жаргал,
— Вы, случайно, не Ленин?— чуть слышно сказал.—

Очень ждут вас родные степные края,
от нойонов не стало аратам житья...

Есть Ганжур у нас, лютый нойон и палач,
он аратов поверг в нескончаемый плач.

У Жаргала корова была лишь одна,
да и ту отобрал тот Ганжур — сатана.

Нас на смерть обрекают с внучонком враги...
Ленин-батор, корову вернуть помоги!

Улыбнулся Жаргалу бурят-проводник:
— Нет, не Ленин сидит в твоей юрте, старик.

И добавил, сердечно взглянув на него:
— Ленин друга к бурятам прислал своего.

Но решает по-своему все-таки дед:
— Если гость вместе с Лениным держит совет,

Если с ним к беднякам Ленин шлет свою весть,
значит, можно считать, что он Ленин и есть!

...С той поры на глазах наш старик молодеет.
О, как много великих и праведных дел
перед ним совершил богатырский народ
в тот суровый и славный семнадцатый год!

И однажды, в весеннюю пору, когда
от нойонов в степи не осталось следа,
сын Жаргала, худой, истощенный тюрьмой,
неожиданно снова вернулся домой.

Как счастливо зажил престарелый Жаргал!
Он о жизни такой и во сне не мечтал.

И казалось, впервые старик над собой
увидал в этот год небосвод голубой!..

Перевел с бурят-монгольского Владимир Кузнецов.

¹ Хоймор — почетное место в юрте.

Семен МЕТЕЛИЦА

КОМСОМОЛЬЦЫ

Рис. Н. Годованова

Повесть*

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Все произошло, мам, совсем не так, как мы ожидали. Наш коллектив распался. Одно дело — работа на лесозаготовках, а другое — в обширном, разностороннем хозяйстве артели. Оказалось, что мы нужны везде: и на животноводстве, и в полеводстве, и на строительстве, и даже в конторе. Вот председатель колхоза, наш старичок Кузьма Петрович, и рассудил: никак нельзя нас всех на одну работу. И нам нечего было возразить. Конечно, он спрашивал о желании каждого, но мы все поняли, что вопрос уже давно решен, а беседовал он с нами так — для формы.

И вот нас распределили. Соня Голубева, Ольга Злобина пошли прицепщиками на трактор. Любу Яковлеву и Зою Кудряшову направили в полеводческую бригаду, а Гераклиту и Веру послали в кукурузоводческое звено. Варе Гаськовой предложили пойти счетоводом в контору, но она наотрез отказалась. Разговаривал с ней даже секретарь партийной организации колхоза, он же бухгалтер, Калистрат Евлампиевич Загорных. Мне так больно было смотреть, как этот великан, широченный в плечах, которому подстать быть грузчиком или кузнецом, ходит на протезе — ногу свою он оставил под Витебском в боях с фашистами. Мне припомнился папа — хоть без ноги, но вернулся бы... Калистрат Евлампиевич по-отечески убеждал Веру пойти к нему в помощники.

— Ну, что вы, товарищ Гаськова, — говорил басовито парторг, — ведь вы в городе работали счетоводом, почему же здесь отказываетесь? Вера, вся пунцовая, резко бросила:

— Товарищ парторг, я не буду сидеть за конторским столом. Не за тем приехала!..

Одним словом, они не договорились. Ребят — Андрея и Цырена — распределили в строительную бригаду, а меня с Розой послали на молоко-товарную ферму. Там нужны доярки и учетчик-присмщик молока. Мы заспорили с Розой, кто будет дояркой, а кто учетчиком.

Договорились мы с Розой так: — во-первых, на месте все решить, у кого лучше получится, та и останется дояркой, а во-вторых, если у обеих получится, то и коров доить, и учет вести попеременно.

* Продолжение. Начало см. в № 1.

Дуся Шекина добивалась своего — пойти в МТС на токарный станок. Еще в лесу она расспрашивала тракториста Фаддея, кто и как работает на станках, какие там, в МТС, есть станки. Фадя не очень-то много знал о работе мастерских, но Дуся ему, кажется, нравилась, и он обещал поговорить кое с кем в МТС. Дуся своего добилась. Кузьма Петрович направил Шекину работать в МТС.

Дуся радуется. Не скрывает своей радости и Гераклита: она ее видеть не может после того злосчастного события с бурками. Мне Дуся не кажется такой уж нехорошей и мне даже жаль ее: с нами ей было бы легче жить, — думалось мне.

Я высказала это девочкам, и они назвали меня «либералисткой».

Жить нас поставили по квартирам колхозников. Федор изо всех нас уговаривал Соню Голубеву поселиться у них. Он обещал даже отдельную «бокешу» — так называется здесь маленькая изолированная комната. Странное дело — Соня почти согласилась. Тогда Цырен, улавив об этом, прибежал к Ольге и загадочно спросил:

— Скажи, Оля, мы за человека отвечаем или нет? — он был страшно взволнован и растерял все свое прирожденное хладнокровие. Ольга говорит, что у него глаза в эту минуту были как два шила.

Оля из его вопроса ничего не поняла и спросила:

— Что с тобой, Цырен?

— Там же этот зверь — Герасим, а мы туда девушку жить отправляем, вот что со мной!

Было решено: на квартиру к Марченко Соне не идти. Она согласилась с нашим общим мнением. Ольга и Соня поселились у тетушки Марфы.

Меня с Розой взял к себе в избу Кузьма Петрович. Это, конечно, на время: вот-вот мы уедем на дальнюю ферму, километров за тридцать от главной усадьбы колхоза.

Мы очень мало понимаем в делах колхоза, но по озабоченным лицам Кузьмы Петровича, парторга Калистрата Евлампиевича, да из случайно подслушанных в правлении разговоров ясно, что в нашем колхозе что-то неблагополучно.

Идут разговоры о каком-то некондиционном посевном зерне, о недостатке паров и о том, что нет возможности уговорить доярок организовать прифермские участки под кукурузу. Разговоры путанные, сбивчивые, и мне от них начинает становиться как-то грустно, тяжело.

Кузьма Петрович растерянно смотрит на тех, кто появляется в его маленьком кабинете, несколько раз за день меняет свои решения. Я сижу у окошка, ожидаю Розу — она уехала с Любой Яковлевой на машине Дымбрила за перегнойными горшочками для капустной рассады. И не успела с ними уехать и вот сижу, жду их и слышу — председатель говорит мелководному, обутому в ичиги, коренастому колхознику:

Ты эти штуки, Намжилов, оставь, есть решение правления — кукурузу сеять по целине, а ты опять эвон куда тянешь...

Намжилов стоит почти вплотную к председателю и, слегка покачивая на коротких кривых ногах, сердито смотрит на Кузьму Петровича.

Мне штуки оставлять можно, но тебе, председатель, тоже надо штуки оставлять. Вчера сказал под кукурузу три га на весновспашке сеять, сегодня ругаешься. Как слушать, как понимать?

Худое лицо Кузьмы Петровича нервно дергается, на седых расчесанных бровях проступают капельки пота.

— Ты, Намжилов, бригадир, должен и своим котелком варить, ведь что и впопыхах скажу. Одним словом, кукурузу будем сеять по целине, влаги там вдоволь, целина.

— Там мы хотели зеленку, Кузьма Петрович,— не сдается Намжилов.

— Зеленку, зеленку!.. Ему про Фому, а он про Ерему. Кукуруза теперь гвоздь всему, понял, паря,— кукуруза!— раздраженно тербит наполовину оторванную пуговицу брезентового плаща Кузьма Петрович.

Я замечаю, что на всем плаще у председателя только и есть одна пуговица, да и она вот-вот оторвется: так безжалостно вертит и тербит ее хозяин.

— Менять слово-то не будешь, Кузьма Петрович, что в Номакиной кукурузу сеять велишь?— спрашивает Намжилов. Его скуластое широкое лицо очень спокойно. Узкие глаза дружелюбно, чуть-чуть иронически смотрят на председателя.

Кузьма Петрович наконец-то добился своего — оторвал пуговицу. Вот он смотрит на нее изумленно и обиженно—«что это, откуда»—и бросает пуговицу на пол.

— Иди, бригадир, действуй,— отрывисто говорит он и обращается ко мне:— Поселились, Шадринна? Ну, как, нравится?.. А ты ела или нет? Пойдем, я тоже к избе подался.

Мы идем с ним по переулку, переходим через доску, соединяющую два бережка, меж которыми шумно летит вешняя мутная вода, и выходим на широкую улицу Бархатного луга. Село большое, старинное. Дома крепкие, среди них есть деревянные, из толстых лиственничных бревен.

Грейдерная дорога разрезает село напополам. По ней ежеминутно проносятся автомашины с грузом, пассажирами в райцентр, на рудник в соседние села. От этого в селе всегда шумно. И как-то странно думать, что ты в деревне. Нет здесь знаменитой деревенской тишины. Местность красивая. Вокруг луга и луга, а за яром невыносимо блестящее солнце неширокая речка. Она называется, как и деревня, Бархатная. Вдалеке, на кромке горизонта,— горы и угадывается лес. Рядом.

Голова у меня кругом идет, Динуха,— по-отцовски просто и доверительно говорит Кузьма Петрович. — Покуль вы в лесу маялись, мне ведь тут слезине произошло.— Он смотрит на меня чуть-чуть снизу, потому что у него выше его,— в аккурат перед посевной нам св